

С. К. Севастьянова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**«Песня о вещем Олеге» В. С. Высоцкого:
к вопросу о литературных обработках легенды
о смерти Олега Вещего в новой русской литературе ***

Представлен анализ интерпретации архетипического мотива «смерти князя от коня», отраженного в Повести временных лет, поэме А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» и воссозданного в стихотворении В. С. Высоцкого «Песня о вещем Олеге». «Песня» Высоцкого носит травестийно-пародийный характер, созданные им образы травестийно снижены, для их обрисовки использованы языковые средства. Особенности интерпретации Высоцким летописной легенды о смерти Олега через версию Пушкина раскрываются при помощи анализа содержания сюжетной схемы легенды о кончине князя, реализуемой в «песнях» поэтов, в образах героев – князя и волхвов, и в стилистическом оформлении перепева Высоцкого. Сделан вывод о том, что советский поэт, переосмыслил ценности русской истории и приспособил их к культурно-политическим задачам своего времени, что привело к «смене значимостей» сюжета о вещем Олеге.

Ключевые слова: «Песня о вещем Олеге» В. С. Высоцкого, «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина, летописное повествование о смерти Олега Вещего в Повести временных лет, мотив, сюжет, интерпретация, пародия, травестия.

Легенда о смерти вещего Олега с сюжетообразующим мотивом смерти героя «от коня» существует в летописной традиции в двух вариантах – полном и кратком [Лященко, 1925, с. 254–288]. Краткий «новгородский» вариант лишен сюжетного развития и представляет собой сообщение о смерти русского князя: «Иде Олегъ к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзіи же сказаютъ, яко идущо ему за море, и уклону зміа в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладозѣ» [ПСРЛ, 1888, т. 3, с. 7]. Полный вариант представлен условно называемыми «киевской» [ПСРЛ, 1846, т. 1, с. 16] и «северной» [ПСРЛ, 1982, т. 37, с. 57–58] версиями, каждая осложнена деталями, которые расширяют сюжетную схему и придают повествованию занимательность и увлекательность [Неклюдов, 2010].

---

* Статья написана в рамках проекта РГНФ № 14-04-00085 «Подготовка издания сборника “Великое Зерцало”».

Севастьянова Светлана Климентьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; sevask@mail.ru)

При значительном сходстве сюжетные схемы имеют принципиальное различие в описании попытки Олега избежать смерти: «киевская» традиция говорит о том, что князь просто удалил от себя коня, а по «северной» традиции – Олег приказал умертвить животное. Различаются схемы и в описании попытки Олега опровергнуть предсказание. Несходство текстов Нестора и Устюжского свода Б. А. Рыбаков объясняет существованием нескольких вариантов устного сказания о Вещем Олеге [1987, с. 360].

Существенные изменения летописное повествование о кончине Олега претерпело в переложениях историков и писателей XVII–XXI вв. О влиянии литературной интерпретации легенды о смерти князя Олега А. С. Пушкина («Песнь о Вещем Олеге») на творчество русских поэтов XIX в. К. Ф. Рылеева (дума «Олег Вещий») и Н. М. Языкова (баллада «Олег») исследователи писали не раз [Немзер, 2013]. Поэтические произведения классиков об Олеге до сих пор изучены недостаточно. Не исследованы факты обращения к сюжету о кончине русского князя писателей XX и XXI вв.: сатириконец И. Л. Оршера; поэтов В. Высоцкого и А. Ю. Чернова; писателей В. И. Седугина, Ады Иванович и Бориса Акунина. Авторы литературных обработок сюжета о смерти Олега пользовались разными летописными версиями, привлекали дополнительные источники, но всегда давали собственную интерпретацию хорошо известной легенды. Этот процесс постоянной трансформации легендарного сюжета схож с тем, который характерен для современной жизни мотивов, входящих в архетипические схемы священных и древнерусских текстов¹. Анализируя три таких мотива в новой русской литературе (испытание веры, блудный сын и ожившая статуя), Ю. В. Шатин писал: «Особый интерес, по нашему мнению, представляют примеры, когда в ходе такой трансформации мотив меняет свой коннотат на противоположный... Смена значимостей – один из сокрытых двигателей в развитии сюжетов новой русской литературы...» [1996, с. 31].

В этой связи особый интерес представляют интерпретации летописных источников об историческом прошлом России, в которых переосмысление ценностей русской истории и приспособление их к культурно-политическим задачам своего времени приводило к «смене значимостей» конкретных сюжетов. Один из ярких примеров – в поэзии В. С. Высоцкого.

Характерной особенностью поэтического творчества Высоцкого второй половины 1960-х гг. стало комическое отражение тогдашней советской действительности. В то время поэт активно использовал художественные приемы иносказания и травестии. Оригинальность творческого подхода Высоцкого к пародийно-травестийным вариациям [Евтюгина, 2000, с. 16] заключается в том, что из хрестоматийных текстов классической русской литературы он выбирал уже кем-то травестированные [Кулагин, 2013, с. 94–95]. Среди поэтов-классиков, на чьи травестии Высоцкий составлял свои пародийные ответы, был А. С. Пушкин [Бахмач, 1999; Вицаи, 1996; Кулагин, 1996; Леготина, 1999]. В 1967 г. одновременно со стихотворением «Бывало, Пушкина читал всю ночь до зорь я...» Высоцкий создал серию своих знаменитых сказок с мифологическими персонажами и травестийные перепевы классических произведений поэта: «Песня про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие»; «Лукоморья больше нет»; «Песня о вещем Олеге». По меткому замечанию Б. С. Дыхановой и Г. А. Шпилевой, «противопоставление “Пушкин – современность” – одно из весьма значимых для Высоцкого» [1990, с. 70]. Поэт создает противоположный «сказочно-пушкин-

---

¹ Следует заметить, что мотив смерти от коня, ключевой в легенде о кончине вешего Олега, известен в переводных византийско-славянских сборниках легенд – фацециях, «Великом Зерцале», «Римских Деяниях». Вопрос о связи русской легенды с мировыми сюжетами на тему смерти князя от коня не входит в задачи статьи.

скому» реальный мир [Фомина, 2005, с. 98–99]. Перепевы пушкинских текстов отличаются «пародийным характером» и «построены по принципу проекции мифологического контекста на наш железный век» [Толоконникова, 2001].

Способы репрезентации пушкинских мотивов в «Песне о вещем Олеге» подробно изучены современными висоцкововедами. Исследователи называют «Песню» или пародией (А. В. Кулагин, Д. С. Дыханова и Г. А. Шпилевая), или травестией [Бахмач, 1997; Свиридов, 1996]. Недостаточная разработанность этих понятий, а также отсутствие у теоретиков литературы единого мнения о разграничении пародийных жанров не позволяют отнести «Песню» Высоцкого к одному жанру, поэтому взаимоотношение «песен» двух классиков русской литературы предлагаю вслед за С. Свиридовым трактовать как пародийно-травестийный диалог, в результате которого «Песнь» Пушкина, как показала А. А. Евтюгина, претерпела стилистически-содержательную деформацию. Особенности интерпретации Высоцким летописной легенды о смерти Олега через версию Пушкина раскрываются в анализе содержания сюжетной схемы легенды, реализуемой в «песнях» поэтов, в образах героев легенды – князя и волхвов, и в стилистическом оформлении перепева Высоцкого.

Как установил С. Ю. Неклюдов, в «Песне о вещем Олеге» помимо сюжета Львовской летописи Пушкин реализовал фабульную схему, представленную в древнерусской историографии (В. Н. Татищев и Н. М. Карамзин) и в поэзии русских поэтов-романтиков – его современников (К. Ф. Рылеев, Н. М. Языков, В. А. Жуковский) и имевшую значимые параллели во многих текстах традиционной словесности и культуры [Неклюдов, 2010]. Травестируя пушкинский текст, Высоцкий подверг деформации и летописный сюжет, послуживший источником баллады. Сравним сюжетные схемы «песней» Пушкина и Высоцкого с элементарной архетипической схемой летописного повествования (табл. 1).

Не принимая во внимание мотивы, осложняющие сюжетную схему летописного повествования в пушкинской балладе, можно заключить, что в отличие от поэтического произведения Пушкина, где все структурные элементы летописного сюжета о смерти Олега присутствуют, в «Песне» Высоцкого эта схема не выдержана. Если в летописи и у Пушкина в рассказе о смерти Олега можно выделить две гетерогенные точки, из которых вырастает сюжет, – *Олег* и *предсказание о его смерти*, – и читатель следит за тем, как оно сбывается, то в стихотворении Высоцкого вторая точка напряжения в сюжетном строении другая – *Олег* и *предсказатели его смерти*, поэтому читателю не до кончины князя: он переживает о взаимоотношениях правителя и волхвов, озабочен судьбой тех, кто спешил предупредить князя о беде. Поэт сместил акценты летописного и пушкинского повествований, и получилась не «песнь», воспевающая подвиги князя и оплакивающая его кончину, а «песня» о том, как князь-тиран расправился с волхвами и погиб сам, посмеявшись над ними. В одном из своих выступлений Высоцкий говорил: «Я тоже написал “Песню о вещем Олеге”, но уже значительно позднее Пушкина и хуже. Но дело в том, что я писал совсем про другое. И да простит меня Александр Сергеевич. Песня посвящена прорицателям нашим древнерусским. Эту песню, правда, уже написал Пушкин. Но он написал песню о вещем Олеге. А я, скорее, о прорицателях. Так сказать, с другого бока тема. Начало такое же» [Высоцкий, 2012, с. 28]. «Песня» Высоцкого – это в прямом смысле слова перевертыш и пушкинской баллады, и летописного сказания.

Диалогическое взаимоотношение текста Высоцкого с первоисточником на уровне поэтики и риторики строится как полемическое. Используя, как и Пушкин в балладе, трехсложный размер (разностопный амфибрахий и строфику оригинала – шестистишия) [Фомина, 2005, с. 100], Высоцкий, по заключению В. И. Новикова, «не паразитирует на классическом образце, а выстраивает по его канве совершенно самостоятельное произведение... сюжет трансформирован

Таблица 1

Структура сюжетной схемы поэтических произведений Пушкина и Высоцкого
в сравнении с элементами сюжета о смерти Олега в летописном повествовании

№	Структура сюжетной схемы	Пушкин [1959, с. 185–188]	Высоцкий [2012, с. 28–29]
1	Предсказание Олегу смерти от коня	Количество раз	дважды
		Встреча князя с волхвами	предсказатели подбежали к князю
		Реакция князя	князь воспринял предсказание как шутку , оскорбил волхвов и убил
2	Попытка избежать смерти, осложненность мотивом привязанности к коню	Олег отослал от себя коня и приказал «отрокам-другам» о нем заботиться	НЕТ
3	Воспоминание князя о коне	ДА	НЕТ однажды вспомнил о волхвах
4	Известие о смерти коня	ДА	НЕТ
5	Попытка опровергнуть предсказание	Князь едет посмотреть на кости коня	Князь навестил место захоронения коня
6	Смерть от укуса змеи	«гробовая змия», «как черная лента»	«злая гадюка»
7	Погребение и оплакивание князя народом	«плачевная тризна»	НЕТ Мораль: слушать волхвов

в духе нашего жестокого века, и язык к нему приближен: грубоватый, прозаичный, обыденно-разговорный... это не простое использование классического текста, это диалог с ним» [1991, с. 62–63]. По наблюдению Г. Г. Хазагерова, лексический слой поэтических сочинений Высоцкого тяготеет «к исчерпыванию лексики и фразеологии той предметной области, к которой поэт обращается»². «Речевое поведение» Высоцкого раскрывает особенности образов его «Песни»: эпический строй пушкинского повествования о вещем Олеге и «мудром старце» разрушает разговорная речь с явными ошибками произношения и просторечными вкраплениями, при помощи которой Высоцкий рисует «свои» образы князя и волхвов. Приведу лексические ряды, характеризующие главные образы баллады Высоцкого. Вещий Олег: «щита» (во мн. числе), «ворота» (полногласие; у Пушкина «Твой щит на вратах Цареграда» [1959, с. 186]), «неча», «не можете», «ишь», «линию гнул», «саркастически хмыкнул», «кусила». «Человек» и «седые волхвы»: «шепелявить», «разя перегаром», «пойди похмельись», «байки», «болтать». Слово в «Песне» Высоцкого отягощено ироническими включениями книжной лексики, не имеющими соответствий в пушкинском тексте: «идти на вы», «на века опочил», «стопу возложил». По заключению С. Свиридова, носитель речи в стихотворении Высоцкого уверенно владеет литературным стилем, и гибридный текст не выражает речь простонародного сказителя [1996, с. 18]. Как писала О. В. Сахарова, языковые средства, которые при употреблении являлись нарушением установленных норм, использовались Высоцким намеренно, для построения сатирической модели мира [2001].

Образы князя и волхвов, созданные Высоцким, травестийно переосмыслены. Пушкинский благородный и отважный князь верит прорицателям судьбы и почитает дар провидения: он сам подъезжает к кудеснику и обещает ему коня за предсказание. У Высоцкого Олег – завоеватель, который «собирается» «идти “на вы”» и «щита прибавать на ворота», будущее его мало интересует: предсказатели сами спешат к князю – сначала «подбегает к нему человек», потом «вдруг прибежали седые волхвы». Но предсказания воспринимаются как «байки», и волхвов убивает толпа: «И долго дружина топтала волхвов / Своими гнедыми конями» [Высоцкий, 2012, с. 28]. Следует заметить, что образы князей осмыслены поэтами в духе их времени. Пушкинский Олег, как и летописный, – доблестный воин, которого почитает и любит русский народ. Эпический строй и тональность повествования о нем классика подчеркивают внутреннее достоинство князя, как отметила А. А. Евтюгина [2000, с. 5]. По наблюдению же В. С. Дыхановой и Г. А. Шпилевой, в пушкинской балладе уже есть элемент сомнения в мудрости героя (личной и социальной), в князе как представителе власти есть черты высокомерия и, соответственно, недалекости [1990, с. 71]. Высоцкий эти отрицательные черты пушкинского князя – склонность преувеличивать свои возможности, недоверие к высшей мудрости – гипертрофирует, и травестийное снижение двойника пушкинского героя превращает его в «жестокосердного и недальновидного тирана» [Бахмач, 1997, с. 45]: «А вещий Олег свою линию гнул, / Да так, что никто и не пикнул. / Он только однажды волхвов вспомянул / И то – саркастически хмыкнул: / Надо ж болтать ни с того ни с сего, / Что примет он смерть от коня своего» [Высоцкий, 2012, с. 28–29].

В этой связи интересно отметить, что образ вещего Олега, нарисованный Высоцким, отдельными чертами напоминает образ князя, созданный в летописи из Синодального собрания: узнав о своей судьбе, он спрашивает у волхвов об их смерти; они предсказывают кончину от руки князя; получив известие о смерти

---

² См.: Хазагерова Г. Г. Поэтическое творчество Владимира Высоцкого в контексте Древней Руси и Советской России. URL: <http://vv.mediaplanet.ru/links> (дата обращения 07.07.2014).

коня, Олег убивает волхвов и погибает «от змеи» [Кирпичников, 1897, с. 6]. Здесь князь тоже не верит волхвам и убивает их. Примечательно, что этот летописный сюжет не получил распространение, по-видимому, из-за того, что дискредитировал любимого в народе князя, чья смерть веками трактовалась как трагическая случайность. Но, создавая образ князя-тирана, Высоцкий показывает, что новые времена реанимировали тип «князя», «активно пресекающего горькую правду, идущую “снизу”, тем более о себе» [Бахмач, 1997, с. 45].

Следует заметить, игнорируя тему привязанности князя к коню, характерную для летописной легенды и пушкинской баллады, Высоцкий вообще не упоминает о наличии рядом с Олегом коня; в конце стихотворения упомянут лишь череп коня Олега. На конях дружинники князя, но не сам князь, и создается ощущение, что фигура князя у Высоцкого статична: он «сбирается» или «собирается» совершать действия, но отсутствие при нем коня лишает все поступки полководца их высокого предназначения и внутреннего смысла, во-первых, быть совершенными, во-вторых, совершенными на благо государства, народа. Напротив, его политика антинародна и тиранична: «А вещей Олег свою линию гнул, / Да так, что никто и не пикнул» [Высоцкий, 2012, с. 28]. В художественном мышлении Высоцкого образ коня – это символ дороги, Судьбы, знак действия и движения вперед [Одинцова, 2001]. На наш взгляд, в таком «стагнированном» контексте ощущается аллюзия инертной общественной атмосферы «застойной» эпохи, за которую неизбежно придется расплатиться, – аллюзия, ставшая приметой поэтического творчества Высоцкого конца 1960–1970-х гг. [Кулагин, 2013, с. 188, 211].

Образы предсказателей тоже травестийно снижены Высоцким и переосмыслены в духе его времени. На смену «вдохновенному кудеснику», «покорному Перуну старику», «заветов грядущего вестнику», «мудрому старцу», «кудеснику, любимцу богов» из баллады Пушкина [1959, с. 185] «прибежали» шепелявый человек и «седые волхвы, / К тому же разя перегаром» [Высоцкий, 2012, с. 28]. Новому типу «князя» соответствует новый тип пророка, но при этом их внешний вид и привычки не мешают благородной цели – защитить правителя от ударов рока. Волхвы-пророки Высоцкого чрезвычайно близки по духу своим двойникам – пушкинскому кудеснику и летописным волхвам: тираны пророков не любят, за что и расплачиваются неудачами в судьбе. Однако отношение к власти летописца и авторов поэтических интерпретаций летописной легенды различно. Составитель Повести временных лет, где, напомним, легенда о смерти Олега изложена в наиболее полном виде, назвал Олега родственником Рюрика; будучи сторонником норманнской теории, летописец проводил идею сильной княжеской власти, основанной не на исконно русских, а на варяжских родовых корнях [Шахматов, 2001, с. 217 и далее]. Пушкин верил в сильную и просвещенную власть. Высоцкий показывал: современная власть, если даже и послушает пророков, все равно совершит жестокую глупость. Вместе с рассказчиком поэт не скрывал недоверие к власти. Особенность иносказания Высоцкого в том, что оно поддается не только символическому, но и «буквальному» переводу.

Повтор в поэзии Высоцкого играет важную роль [Долотова, 2011]. В «Песне» он осуществляется на фразовом и лексическом уровнях. Рефреном повторяет пророчество: «...ни с того ни с сего, – / ...примешь ты смерть от коня своего». Циклоид в виде эпифоры выполняет общую текстовую функцию и несет важную смысловую нагрузку: неверие пророкам и непонимание того, что говорят они («И неча рассказывать байки»; «Шутить не можете с князьями!»), ведет к трагедии – гибнут и волхвы и князь: «Каждый волхвов покарать норовит», «А нет бы послушаться, правда?», «Олег бы послушал – еще один щит / Прибил бы к вратам Цареграда» [Высоцкий, 2012, с. 28–29]. По меткому замечанию В. И. Бахмача, слово «каждый» в начале заключительного куплета «гораздо шире, чем относящееся только к Олегу... Слишком много трагедий происходит от неумения

“послушаться”. Вот Олег у Высоцкого проходил путь от “вешего” к “каждому”» [1997, с. 45]. А по заключению В. С. Дыхановой и Г. А. Шпилевой, если бы князь послушал волхвов, то прибил бы очередной щит и совершил бы новое кровавое «геройство», «повторяемость которого становится абсурдной» [1990, с. 72–73].

Лексический состав рефрена, который звучит семь раз, изменяется поэтом на уровнях грамматики (формы слов) и семантики (слова-синонимы) (табл. 2).

Судя по табл. 2, фраза «смерть от коня своего» все семь раз неизменна. Устойчивое сочетание «ни с того ни с сего» приобретает утвердительную форму только в финале: значение неопределенности и беспричинности, которое имеет наречие, помогает развитию мотива неверия князя волхвам. Но смысловая функция повтора заключается здесь в семантике повторяющихся глаголов со значением «говорить» и «принимать» в сочетании со значением слов и фраз, их сопровождающих. Глаголы со значением «говорить» имеют разную тональность, которая меняется в зависимости от личности говорящего. В первых двух куплетах глаголы стилистически нейтральны, и их произносит автор-рассказчик, характеризуя убедительно-утвердительную речь предсказателей. Следующие три раза глагол со значением «говорить» произносит Олег, причем постепенно иронично-саркастическая тональность его речи усиливается, благодаря частице «ишь» с игриво-ироничным значением, добавлению устойчивого сочетания «надо ж», выражающего недовольство и крайнюю степень удивления, и замене глагола на разговорный синоним «болтать» с пренебрежительным оттенком. Глагол со значением «принимать» (во 2 и 3 л.) шесть раз из семи употреблен в будущем времени, что, с одной стороны, убеждает в свершении обещанного действия, с другой – указывает на его повторяемость, цикличность, когда форма глагола будущего времени вновь употребляется после формы прошедшего времени «И принял».

Синонимы и формы слов меняют стилистический окрас повествования, усиливают экспрессивность речи и обеспечивают внутреннюю смысловую связь, определяемую замыслом автора, – показать, что трагикомический конец ожидает того, кто не верит пророкам и насмехается над ними. Злая кончина наступит «каждого», кто не усвоит этот урок. В предпоследнем куплете первая часть рефрена

Таблица 2

Форма и содержание рефрена
в «Песне о вешем Олеге» В. С. Высоцкого

№ куплета	Фразеологические единицы рефрена					
	1	говорит	ни с того ни с сего	ведь	примешь	ты
2	и говорят	+	что	примет	он	+
3	и говорить	+	+	+	+	+
4	ишь, говорят	+	+	+	+	+
5	надо ж болтать	+	+	+	+	+
6	Злая гадюка кусила его			И принял	+	+
7	сказали	с того и с сего	что	примет	+	+

полностью изменена: «злая гадюка» (зло – апогей сарказма) «кусила» тирана. Глагол «кусить» вышел из употребления в русском литературном языке, но остался в просторечии [Бабалыкина, 2012, с. 70–71]; он употребляется для обозначения кусательных рефлексов животных и насекомых; а что особенно важно – в современных пародийных жанрах для обозначения скрытых животных инстинктов³. Повтор в стихотворении Высоцкого служит художественным средством создания трагестийно-пародийной трактовки одновременно летописной легенды и пушкинской баллады о смерти князя.

Творчество Высоцкого многогранно. Несмотря на все возрастающее внимание российских и зарубежных исследователей к сочинениям поэта, еще недостаточно изучены созданные им трагестии и пародии. Надеюсь, что эта статья станет побуждением для ученых к исследованию подобных текстов, которые наверняка откроют новые грани литературных творений поэта и существенно дополнят наши представления о творческой лаборатории классика.

Список литературы

Бабалыкина Э. А. Метаморфозы русского слова: Учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.

Бахмач В. И. Единственный, или Образ Пушкина в лирике Высоцкого // А. С. Пушкин: Творчество и традиции: Филол. сб. ЛГПУ. Луганск: Альма-матер, 1999. С. 76–83.

Бахмач В. И. Пушкинские мотивы в ранних перепевках Высоцкого // Русская филология. Украинский вестник. 1997. № 1–2. С. 45–47.

Вицаи П. Пушкин и Высоцкий: роль историко-культурных знаний при переводе песен Владимира Высоцкого // Вагант. 1996. № 3–4. С. 24–25.

Высоцкий Владимир. Иллюстрированное собр. соч.: В 11 т. СПб.: Амфора, 2012. Т. 6.

Долотова Т. Н. Повтор и его изобразительно-выразительные возможности в поэтическом тексте (на материале стихотворения В. Высоцкого «Он не вернулся из боя») // Язык. Текст. Дискурс. 2011. № 9. С. 283–292.

Дыханова В. С., Шпилевая Г. А. «На фоне Пушкина...» (К проблеме классических традиций в поэзии В. С. Высоцкого) // В. С. Высоцкий: исследования и материалы. Воронеж, 1990.

Евтюгина А. А. Деформация прецедентного текста как конструктивный прием. (Рук. деп. в ВИНТИ РАН в 2000 г.).

Киртичников А. И. К литературной истории русских летописных сказаний. СПб., 1897.

Кулагин А. В. Поэзия Высоцкого: творческая эволюция. Воронеж: Эхо, 2013.

Кулагин А. В. Пушкин и Высоцкий. К типологии биографии // Пушкин и русская культура: Докл. на междунар. конф. СПб.; Новгород, 1996. С. 38–40.

Леготина Н. А. Высоцкий и Пушкин: от иронии и юмора – к вечным проблемам // Пушкин в меняющемся мире // Сб. материалов регион. науч.-практ. конф. Курган, 1999. С. 95–99.

Лященко А. И. Летописные сказания о смерти Олега Вещего // Изв. Отд-ния русского языка и словесности АН СССР. Л., 1925. Т. 29.

---

³ Вот, например, фрагмент перевода песни «Gimme A Bullet» на русский язык австралийской рок-группы «AC/DC»: «Дайте мне кусить пулю! / И я заставлю себя поверить в то, / что пуля – это ты, крошка. / Кусить пулю! / Дайте мне кусить пулю!...». URL: <http://altwall.net/texts.php?show=acdc&number=120800>. А вот фрагмент стихотворения автора ChurA «Кусить хочу!» из цикла «пародии»: «Кусить хочу! / Быстрее дайте шею...». URL: <http://www.reshetoria.ru/user/ChurA/index.php?id=21260&page=1&ord=0> (дата обращения 13.07.2014).

Неклюдов С. Ю. Легенда о вешем Олеге: опыт исторической реконструкции // *Сop amore*. Историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселевой. М.: ОГИ, 2010. С. 366–395.

Немзер А. «Песнь о Вешем Олеге» и ее следствия // *Acta Slavica Estonica IV*. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. С. 233–301.

Новиков В. И. В союзе писателей не состоял: писатель Владимир Высоцкий. М.: Интерпринт, 1991.

Одицова С. М. Образ коня в художественном мышлении поэта // *Мир Высоцкого: Альманах*. М., 2001. Вып. 5. С. 466–470.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб., 1846. Т. 1; СПб., 1888. Т. 3; Л.: Наука, 1982. Т. 37.

Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1959. Т. 1.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.

Сахарова О. В. Языковые средства создания сатирической модели мира в творчестве В.С. Высоцкого // *Мир Высоцкого: Альманах*. М., 2001. Вып. 5. С. 199–200.

Свиридов С. Высоцкий и Пушкин: по пути трагедии // «Внимая звуку струн твоих...»: Сб. ст. Калининград, 1996. Вып. 3. С. 14–19.

Толоконникова С. Ю. Бард, неомифологическая ирония и научная фантастика. Интерпретация одного из возможных подтекстов сказок В. Высоцкого // *Мир Высоцкого: Альманах*. М., 2001. Вып. 5. С. 264–273.

Фомина О. А. Стихосложение В. С. Высоцкого и проблема его контекста: Дисс. ... канд. филол. наук. Оренбург, 2005.

Шатин Ю. В. Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе // «Вечные» сюжеты русской литературы. «Блудный сын» и другие: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1996.

Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М.: Академический проект; Жуковский: Кучково поле, 2001.

S. K. Sevastyanova

**«The song about Oleg the Wise» by V. S. Vysotsky:
on literary adaptations of the legend about the death of Oleg the Wise
in the new Russian literature**

The paper presents an analysis of the interpretation of the archetypal motif «death of the prince from the horse», reflected in the Tale of Bygone Years, A. S. Pushkin's poem «The Song of the Wise Oleg» and re-established in V. S. Vysotsky's poem «Song of Oleg the Wise». Vysotsky's «Song» is a travesty and a parody. The images created by him are lowered via travesty. For the delineation of the images use is made of linguistic means. The Features of the interpretation of the annalistic legend of Oleg's death by Vysotsky through Pushkin's version are revealed by analyzing the contents of the plot scheme of the legend of the death of the prince realized in «songs» of poets, in the images of the heroes – the prince and magicians and in the stylistic shaping of Vysotsky's rehash. It is concluded that the Soviet poet reinterpreted the values of Russian history and adapted them to the cultural and political problems of his time, which led to a «change of significances» of the plot of Wise Oleg.

Keywords: V. S. Vysotsky's «Song of the Oleg the Wise», A. S. Pushkin's «The Song of the Wise Oleg», annalistic narration about the death of Oleg the Wise in the Tale of Bygone Years, motif, plot, interpretation, parody, travesty.